

Ф ИЛОСОФСКИЙ СТАТУС «МЕТАФИЛОСОФИИ НАУКИ»

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; e-mail: vnporus@hse.ru

Метафилософия науки по отношению к философии науки играет роль, аналогичную той, какую философия науки играет по отношению к науке. В ней реализуется способность философии науки к саморефлексии, актуализируются вопросы о философской значимости процессов, имеющих место в «trading zone» (в смысле П. Галисона), где вырабатываются способы обмена идеями между учеными, специалистами-научоведами и философами. Взаимодействие философии и метафилософии науки осуществляется в ходе конкуренции между различными философскими интерпретациями науковедческих исследований этих «обменных» процессов. Сами эти исследования, в частности, институциональные, методологические, исторические и культурологические, получая философскую интерпретацию, становятся источниками метафилософских идей. Метафорически можно сказать, что метафилософия является самознанием философии науки.

Ключевые слова: «зона обмена», «мост интерпретаций», философия науки, метафилософия науки, философская интерпретация, история философии.

THE PHILOSOPHICAL STATUS OF “METAPHILOSOPHY OF SCIENCE”

Vladimir N. Porus – DSc in Philosophy, professor. National Research University “Higher School of Economics”. Staraya Basmannaya Str., 21/4, Moscow, 105066, Russian Federation. e-mail: vnporus@hse.ru

Interdisciplinary studies of science form a “living” organism, in which every part performs its function and is connected with other parts. Philosophy of science plays a role of the “think-tank” of that organism. It is a generator of the sense that connects the functions of its separate parts into a systematic unity. It can be called the consciousness of science. Metaphilosophy of science is related to philosophy of science in the same way as philosophy of science itself is related to science. Within metaphilosophy of science the propensity of philosophy of science to self-reflection is implemented. Metaphilosophy of science makes relevant the issues that relate to the philosophical significance of the processes taking place in the so-called “trading zone” (in the sense of P. Galison). These trading zone is a place where scientists, science-of-science theorists and philosophers exchange their ideas. The interaction between philosophy and metaphilosophy of science takes place in the course of a competition among various philosophical interpretations of the results received within the studies of these “trading” processes. Institutional, methodological, historical and culturological studies get a philosophical interpretation and become the source of metaphilosophical ideas. Metaphorically,

one may say, that metaphilosophy of science is the self-consciousness of philosophy of science. The very idea that metaphilosophy of science is a participant of the process occurring in the "trading zone" puts an end to a meaningless pile of "metalevels" that very often characterize philosophical discussions of science.

Keywords: trading zone, bridge of interpretations, philosophy of science, metaphilosophy of science, philosophical interpretation, history of philosophy

Термин «метафилософия» прижился в современной философской литературе с 40-х гг. прошлого века [Lazerowitz, 1970, p. 91]. Потом он перестал быть новшеством и вошел в названия философских журналов, монографий, учебников. Однако его значение все еще остается не вполне ясным. Оно может трактоваться довольно широко, так что всякое рассуждение о природе, целях и особенностях философского знания, о коммуникативных процессах внутри философского сообщества, а также о том, какое место занимают эти процессы в науке и культуре, может быть названо «метафилософским» [Norrie, 2018].

Впрочем, эта неопределенность не вызывает каких-то жестких возражений. Считается, что рассуждения о философии уместны в философских текстах, никому и ничему они не мешают, а в учебниках даже необходимы.

Есть и попытки придать термину «метафилософия» более узкий и, по возможности, точный смысл. Они особенно характерны для аналитической традиции. Здесь «метафилософский статус» получают логико-семантические исследования значений терминов, фигурирующих в философских дискурсах. Примерами могут служить «семантическая теория истины» А. Тарского, «релевантные» логики, в которых эксплицируется понятие логического следования, применение аппарата теории игр к анализу этических категорий и проблем [Verbeek, 2002; Kuhn, 2004].

Можно разделить «метафилософские» рассуждения на два «типа». К первому относятся описания того, как философы разных исторических эпох и идейных направлений понимают особенности своей деятельности, ее цели и средства их достижения. Н. Решер назвал это «дескриптивной метафилософией». Второй тип – «нормативная метафилософия» как общая теория, определяющая критерии качества и содержания философской работы [Rescher, 2014]. Эта теория определяет принципы, соблюдение которых необходимо, чтобы «цели философского исследования могли быть достигнуты действенным и эффективным образом» [Rescher, 2006, p. 11]. Только так может получиться то, что Решер называет «good philosophy». Таким образом, «нормативная метафилософия» – что-то вроде «устава», принятого философами-единомышленниками.

Заметим, что если любые рассуждения о философии считать метафилософскими, то под это название подойдут витгенштейнианские утверждения о «бесмысленности» философских понятий, позитивистские призывы их элиминации, антиметафизические программы. В таких случаях термин «метафилософия» получает иронический смысл¹. То же о «профанной» *антифилософии*: разглагольствование о философии, якобы лишней в век науки, техники и тотальной калькуляции, *cum grano salis* может быть зачислено по разряду «метафилософии».

Т.И. Ойзерман называл «метафилософией» общую теорию историко-философского процесса. В основе этой теории – понимание философии как исторически изменчивой, развивающейся в процессе исследования совокупности основных тем: космологической, субъектно-объектной, нравственной, антропологической и др. Содержание этих тем, считал он, может быть понято «лишь при учете многообразия их интерпретаций, на котором в значительной мере основываются различия между философскими учениями. В соответствии с этими интерпретациями, основные философские темы варьируются, дифференцируются, распадаются на многочисленные “подтемы”. В конечном счете, эти вариации основных философских тем обусловлены развитием самого философского знания и конфронтацией разных направлений в философии» [Ойзерман, 2014].

Утверждение об историко-культурной обусловленности тем и методов философского исследования может служить только началом пути к пониманию того, что такое философское знание и его предмет. Если следовать терминологии Н. Решера, то «метафилософский» подход Т.И. Ойзермана – это принцип тематического многообразия философии, в соответствии с которым должны выстраиваться нормы и оцениваться образцы философского рассуждения. Согласно этому принципу, «ни одна из основных философских тем не может быть устранена или полностью изолирована от других», все они «одинаково существенны и органически связаны друг с другом» [Ойзерман, 2014, с. 268].

Если так, то метафилософия не может быть ни антифилософией, ни профанной критикой. Способна ли *философская* теория историко-философского процесса выполнять прогностические и объясняющие функции? Например, можно ли, основываясь на ней, осуществлять рациональную реконструкцию реальной истории философии?

---

¹ По ироническому замечанию К. Поппера, «философ должен философствовать, он должен пытаться решать философские проблемы, а не говорить о философии». Но все-таки, замечает он далее, «стремление говорить здесь о философии, а не философствовать, несколько оправдывается надеждой на то, что осуществление намеченной программы даст нам удобный случай немного и пофилософствовать» [Поппер, 2004, с. 122].

Или предвидеть вероятные «тренды» ее развития? Ответы не очевидны.

И все-таки: является ли метафилософия частью или разделом философии? Напрашиваются аналогии: соотношения языка и мета-языка, логики и металогики, математики и метаматематики. В какой мере эти аналогии продуктивны? Если соотношение языка и мета-языка (в известных случаях) можно выразить в точных терминах (А. Тарский), то с философией и метафилософией сложнее: строгое и вместе с тем общее выражение этому соотношению дать, скорее всего, не получится.

Но если все-таки термин «метафилософия», как он фигурирует в философских текстах, не вызывает явного отторжения, то и по отношению к разделам философии (различным типам философствования) он может быть приемлемым («метафилософия сознания», «метафилософия культуры», «метафилософия науки» и пр.).

* * *

Метафилософия науки, если легитимировать этот термин, это философские размышления о философии науки. Входят ли эти размышления в состав самой философии науки?

Тут бы не увязнуть в схоластике. Чтобы определить компетенции метафилософии науки, вернемся к вопросу о том, какие задачи ставит перед собой философия науки.

Отвечают по-разному. И.Т. Касавин и Б.И. Пружинин в статье из «Новой философской энциклопедии» назвали эти задачи [Касавин, Пружинин, 2001]. Она берется за формулирование общенаучной картины мира, совместимой с важнейшими (фундаментальными) научными теориями, выявляет предпосылки научного мышления и основания выбора учеными своей проблематики, анализирует и уточняет понятия и теории науки. Наконец, она разграничивает науку и ненауку (т. е. называет критерии, которым должно отвечать научное объяснение фактов, устанавливает когнитивный статус научных законов и принципов, определяет формы и механизмы развития научного знания).

Согласимся, таковы *претензии* философии науки, хотя в различные периоды своей истории она по-разному их формулировала и составляла приоритеты. Например, неопозитивисты (или близкие к ним философы науки) возлагали надежды на анализ языка науки, имея целью создать канон научной теории (т. н. концепция «стандартной научной теории») [Suppe, 1977]. В последней трети XX века, когда в философии науки стали преобладать постпозитивистские течения, акценты были переставлены на вопросы, связанные с динамикой и общими характеристиками «роста научного знания» [Lakatos,

Musgrave, 1970]. Затем на первый план вышли проблемы выбора научных теорий, в том числе под действием социальных и социально-психологических факторов [Мамчур, 1975].

В какой мере обоснованы эти претензии?

1. Построение единой общенаучной картины мира – задача былых времен, по-видимому, уже невозвратных, но оставивших след в «генетической памяти» философии. Сегодня она вряд ли является реализуемым проектом, учитывая глубочайшую дифференциацию научных дисциплин и методов. А интегративные тренды, также имеющие место в науке, не могут претендовать на нечто большее, чем образование более-менее устойчивых «блоков», внутри которых еще можно говорить о каком-то внутреннем единстве (таковы, например, «естественнонаучная» и «социально-научная» картины мира). Но контуры этого единства не ясны. Оно вряд ли достижимо через редукцию к неким фундаментальным основаниям, хотя бы уже потому, что их «фундаментальность» – скорее проблема, чем онтологический постулат. Например, физики склоняются к тому, что «мир» – это сеть взаимосвязанных процессов [Капра, 1994, с. 259], по отношению к которой познание «нащупывает» способы рациональной реконструкции, т. е. установления *понятной* связи между ее «нитьями» и «узлами».

Попытки построить «универсальные» модели мироздания не оставлены наукой; иногда такие модели строятся по аналогии с физическими теориями (например, теорией «бутстрапа» или «the theory of everything» Дж. Чу [Chew, 1968], «теорией суперструн» [Грин, 2007] или концепцией “implicate order” Д. Бома [Bohm, 2005]), но как далеко могут идти такие аналогии? Пока это не ясно. В биологии, экологии, социологии, социальной психологии и когнитивных науках наблюдаются иные методологические «тренды» с преобладанием идеи зависимости соответствующих «картин мира» от места и роли в них наблюдателя [Kampis, 1991].

Современная философия науки с трудом осваивает эти «тренды». Былые претензии на «всеобщую методологию науки» или «общенаучную картину мира» сегодня воспринимаются скорее скептически.

Например, методологический принцип, согласно которому пропуск в науку следует выписывать только суждениям о наблюдаемых объектах, когда-то привлекательный не только для философствующих позитивистов, но и многих ученых, в современной науке трактуется как имеющий лишь ограниченное применение – со многими уточнениями и разъяснениями относительно понятия *наблюдаемости*.

2. Что имеется в виду, когда говорят о «предпосылках научного мышления»? Если принять во внимание, что современное научное мышление осуществляется в «мыслительных коллективах» (по терминологии Л. Флека [Флек, 1999]), то его предпосылками придется считать доминирующие социальные и социально-психологические

характеристики этих коллективов, а не только общие методологические принципы и установки, которыми направляется научное исследование. Современная наука для своего нормального функционирования требует институционального оформления, что в известном смысле также может считаться предпосылкой научного мышления. Философы науки выявляют эти предпосылки в сотрудничестве с социологами, историками науки и другими науковедами. Конечно, в этой сборной «команде» должны быть те, кто заботится о сохранении единого смысла науковедческих дисциплин. Но эта забота должна реализоваться в дискуссии, в которой искомый смысл постигается общими усилиями.

3. Что до экспликации научных понятий и выработки точных критериев научного языка, то это работа, требующая средств математической логики, логической семантики, системного моделирования, герменевтики – всего того, что входит в круг так называемой «формальной методологии». Она позволяет исследовать отношения между научными теориями, до известной степени формализовать структуру доказательства и объяснения, а также онтологических суждений, в том числе – о пространственных и временных отношениях, строить логико-семантическую теорию референции и пр. Спектр «формальной методологии», скорее всего, еще будет расширяться.

Но сводится ли философия науки к этому спектру? Несколько десятилетий назад на такой вопрос отвечали уклончиво. Сегодня чаще дается отрицательный ответ. Как бы ни были хороши и полезны средства анализа языка науки, они не достаточны для понимания того, что такое наука и процессы ее развития. Как знание анатомии не дает ответа на вопрос о ценности и цели человеческой жизни.

4. Наконец, может ли философия науки претендовать на статус общей теории научной рациональности? Подобные претензии имели место несколько десятилетий назад. Все они, так или иначе, доходили до черты, за которой философские концепты рациональности вступали в конфликт с реальной практикой науки, ее историей, конкретными условиями, определяющими значимые решения ученых. Выстроить всеохватную теорию научной рациональности, связывающую статику и динамику науки, структуру научного знания и возможности ее исторического развития, организацию и трансляцию знания, принципы институционализации и связь с общим культурным контекстом – это, по меньшей мере, слишком сложная, если вообще разрешимая задача.

К тому же критерии научной рациональности различны. Переоцененный некоторыми философами «критериальный» подход может вести: 1) к неправомерной абсолютизации частных моделей рациональности; 2) к релятивистской трактовке рациональности, при которой само это понятие «растворяется» во множестве частных моделей. Чтобы избежать конфликта крайностей, надо дополнить

«критериальный» подход «критико-рефлексивным» (всякая система критериев научной рациональности может подвергаться рациональной критике и изменяться, когда того требует развитие науки). Идея смысловой сопряженности и дополнительности этих подходов (в духе методологических новаций Н. Бора) может стать базисным принципом теории научной рациональности² [Порус, 1999].

Итак, мы видим, что проблемы, относимые к компетенции философии науки, требуют междисциплинарных исследований, в которых философия в лучшем случае участвует «на равных» с другими «науками о науке», а в худшем – как «переводчик» данных этих наук на свой язык, что часто не проясняет, а усложняет их понимание. Когда худший случай становится привычным – это одна из причин утраты интереса ученых к философии науки. Если бы он стал «нормой», из «метафилософии науки» получилось бы что-то вроде некролога, в котором упоминают о заслугах усопшего и констатируют скорбный итог его жизненного пути. «Метафилософским» стало бы выяснение того, как философия вытесняется из науковедческих исследований, которые – вероятно, по инерции – все еще именовались бы «философией науки», хотя не ясно, что в них собственно философского.

* * *

Философия науки в чем-то существенном похожа на социальную эпистемологию, которая, как я показал в другом месте, может быть метафорически названа «мостом интерпретаций» – локусом встречи между специальными науками о познавательных процессах и философскими концепциями, конкурирующими друг с другом за право интерпретировать те или иные результаты этих наук [Порус, 2012]. Философия науки также является таким «мостом», на котором встречаются науковедческие дисциплины и философские концепции научно-познавательных процессов.

П. Галисон назвал пространство такой встречи «зоной обмена». Это также метафора. Он перенес характеристики торговых коммуникаций между представителями различных культур на контакты между учеными-экспериментаторами и учеными-теоретиками. Характерным условием таких контактов является совместная выработка общего языка, pidgin-language, необходимого для коммуникации, но

---

² К. Поппер критиковал этот принцип как инструменталистскую гипотезу ad hoc, оставшуюся якобы «совершенно бесплодной для физики» [Поппер, 2004, с. 173]. Сэр Карл ошибался. Принцип дополнительности имеет онтологический смысл и потому играет фундаментальную методологическую роль. Но, безусловно, экстраполяция его действия на другие предметные области, о чем высказывал догадки Н. Бор, связана с эпистемологическим риском.

свободного от ригористических требований тождества значений и полной взаимной переводимости. За счет использования этого языка облегчаются контакты, происходит взаимная адаптация, снимаются напряженности и ограничения. В результате возникают общие ценностные установки, происходит согласование интерпретаций экспериментальных данных и теоретических запросов к инструментально-техническому базису исследований. Связи между участниками «обмена» становятся более устойчивыми, им не слишком опасны отдельные логические или логико-семантические несостыковки.

Ссылаясь на Ч.С. Пирса и Л. Витгенштейна, Галисон уподобляет коммуникативный процесс не цепочке логических аргументов, целостность которой зависит от прочности слабейшего звена, а тросу, составленному из множества волокон, достаточное количество и качество которых обеспечивают надежность при испытании на разрыв [Галисон, 2014, с. 91].

Такие «обменные коммуникации» прослежены на примерах из истории физики элементарных частиц и других разделов современной физики микромира [Galison, 1997]. Метафора «зон обмена» была применена в когнитивистике (в связи с работами Н. Хомского, Дж. Миллера, М. Минского, Г. Саймона и др.) [Тагарт, 2014]. П. Тагарт показал, что в результате обмена понятиями и методами между когнитивной нейронаукой и когнитивной психологией произошел концептуальный сдвиг: нейробиологи с помощью современного оборудования (ПЭТ и МРТ) наблюдают изменения в мозге человека, выполняющего различные задания; «техники изображения нейронных процессов обеспечивают исследователя данными, которые легче поддаются прямой интерпретации по сравнению с данными чисто когнитивно-психологических экспериментов» [Thagard, 1998, р. 54–55].

Идея «зоны обмена» может быть использована и для описания взаимодействия между естественными и социальными науками, гуманитаристикой, а также философией. В.П. Визгин рассмотрел развитие эйнштейновской физики (теория относительности и проект единой теории поля) в контексте влияния на эти идеи «философских импульсов», исходящих из работ Э. Маха, Д. Юма, Б. Спинозы, И. Канта, Г. В. Лейбница. «Физики свои новые представления, рожденные в процессе квантово-релятивистской революции, «обмениваются» на их философское осмысление, их подключение к философским традициям, что порою оказывается для физиков важными стимулами для дальнейшего развития» [Визгин, 2007, с. 127].

Включение в «зоны обмена» различных слоев и видов научного знания оправдано позитивным эффектом, который ожидается участниками процессов, происходящих в этих зонах. Если эффекта нет или он сомнителен, ожидания гаснут, и обмен теряет интенсивность или исчезает вовсе. Но заранее предсказать степень эффективности

обмена идеями или эвристикой нелегко. Чаще бывает, что о результативности таких процессов можно судить только после того, как обмен уже произошел. Однако достигнутые успешные эффекты – стимулы к построению проективных моделей: конструирование «зон обмена» должно стать необходимой частью и условием планирования и организации научно-исследовательской деятельности.

Обе метафоры – «зоны обмена» и «моста интерпретаций» – могут служить пониманию того, чем занимается философия науки. *Она участвует в обмене идеями с науковедческими дисциплинами, предлагает философские интерпретации их результатов, «вбирает в себя» эти результаты и придает им философский смысл, включая их в систему своих понятий и оценок.*

Важным моментом здесь является конкуренция между различными философскими концепциями. Другой, не менее важный, момент – собственно философский анализ научного знания и динамики его развития и роста, то, что К. Поппер называл «философствованием» в отличие от разговоров о философии. И этот анализ также является платформой конкурентной борьбы.

Примерами могут служить попперовская критика инструментализма и эссенциализма, критика Лакатосом «догматического фальсификационизма» с позиции методологии научно-исследовательских программ, полемика между «реалистами» и «конструктивистами» и др. Факторами конкуренции выступают процессы «обмена» между философскими концепциями и науковедческими дисциплинами. В этом смысл известного высказывания Лакатоса о том, что история науки служит пробным камнем ее рациональных реконструкций [Лакатос, 1978, с. 239]. История науки, которая «без философии науки слепа» [Лакатос, 2008, с. 201], становится «зрячей» только тогда, когда руководствуется методологической концепцией, а философия науки не только черпает эмпирическое содержание в историко-научных исследованиях, но проверяет свою значимость результатами последней. К этому надо добавить, что наряду с историей науки соответствующими «пробными камнями» философско-методологических концепций могут выступать социология науки, социальная психология научных сообществ, институциональный анализ науки и другие участники процессов в «зоне обмена».

Так, социальным и интеллектуальным пространством «зоны обмена» традиционно выступал и в известной мере продолжает оставаться «университет». Речь не о географическом или национальном локусе университета в том смысле, который когда-то вкладывал в это понятие В. фон Гумбольдт. В современном «обществе всеобщей коммуникации» [Ваттимо, 2002] скорость умножения и интенсивность потоков информации намного превышает возможности не только отдельных ученых, но и локальных исследовательских центров, таких как национальные университеты, усваивать и использовать эту

информацию, тем более – придавать своей деятельности уникальность и культурную специфичность. Поэтому современный университет – это скорее изменчивая дисциплинарная структура, «которая оставляет открытым вопрос о том, где и как совмещаются разные виды мышления» [Ридингс, 2010, с. 299].

Это, как заявляет Б. Ридингс, «разрывает связь между Университетом и национальной идентичностью, связь, которая почти 300 лет приносила некоторым университетским интеллектуалам власть, престиж и деньги» [Ридингс, 2010, с. 300]. Тем не менее, осознание этих изменений не снижает, а напротив, повышает ответственность национальных институтов, осуществляющих взаимодействие различных информационных структур. В современных условиях просчеты такой организации могут вести к провалу национальной стратегии научного развития, повышению рисков как техногенных, так и социальных катастроф, например, связанных с утратой культурообразующей функции науки и научного знания, ростом антинаучных и контркультурных тенденций.

Это означает, что «зона обмена» может и должна рассматриваться не столько как идеальный конструкт, обозначающий абстрактную форму междисциплинарного взаимодействия, сколько как социально-культурный проект, осуществление которого требует специальной институционализации. То, что в конце 90-х гг. прошлого века мыслилось как выход университета из рамок национально-культурной миссии и образование глобальной науки с множеством источников информации и экспертной оценки, в нынешних условиях, когда интеграция культур встречается с нарастающим противодействием и обострением национальных конфликтов, может рассматриваться как утопия.

Кроме того, если падает престиж научных профессий и снижается их культурный статус (что характерно для нынешней России), трудно рассчитывать на то, что сам по себе рост научных знаний будет положительно влиять на общий уровень культуры и образованности общества. Планирование и реализация «зон обмена» могут служить устранению опасных разрывов между наукой и обществом, для чего нужна рациональная научная политика и развитие современных социальных технологий.

На это обращает внимание Г. Коллинз, подчеркивающий роль социально-гуманитарной экспертизы проектов «зон обмена», которая должна учитывать не только культурно-исторические особенности среды, в которой возникают и функционируют такие «зоны», но и реакции научных институтов, в том числе системы подготовки научных кадров, на воздействия этой среды [Collins, Evans, 2010]. И.Т. Касавин видит в «зонах обмена» «историко-социологическую концептуализацию общения применительно к науке» и подчеркивает, что «в современных условиях общение такого рода не может

оставаться делом случая или счастливого стечения обстоятельств, при которых возможны «инсайты взаимопонимания» [Касавин, 2017, с. 15]. Необходимо систематическое строительство этих «зон», включающее реализацию программ теоретического и практического междисциплинарного взаимодействия, создание регулярных форм конструктивного и критического общения ученых, инженеров, социальных менеджеров и политиков, использование возможностей информационных служб и mass-media. Такие формы уже не могут вмещаться в «гумбольдтовские» (по своему генезису) проекты развития и расширения функционального диапазона университета в современном мире [Дорожкин, 2018]. Особое значение имеют институционально организованные исследования языковых практик, в которых осуществляется коммуникация между участниками «зон обмена».

* * *

Теперь, в оптике метафор, рассмотрим вопрос, поставленный выше: в каком смысле можно говорить о философском статусе метафилософии науки?

Метафоры «моста интерпретаций» и «зон обмена» позволяют представить систему междисциплинарных исследований науки как сложный живой организм, в котором всякая его часть выполняет свою функцию в общей связи с другими. Философия науки – позволю себе сравнение – играет роль «мозгового центра» этого организма, генератора смысла, связывающего функции отдельных его частей-органов в систематическое единство. Продолжая сравнения, я бы назвал философию науки *сознанием науки*, ее «единством трансцендентальной апперцепции», если опять-таки с долей иронии вспомнить «Критику чистого разума». Хайдеггеровское «наука не мыслит» может быть в таком случае дополнено (возможно, вопреки Хайдеггеру!) утверждением, что наука *все же мыслит*, если обладает сознанием, т. е. *составляет органическое единство с философией науки* – и не мыслит, если это единство каким-то образом разрушено.

Конечно, здесь требуется разъяснение относительно того, что имеется в виду под «мышлением». Хайдеггер считал, что между *наукой* и *мышлением* – *пропасть*, преодолеть которую можно только «прыжком», переносящим «в совершенно другую местность». Наука этот прыжок не делает, и в этом ее *преимущество*, потому что, занявшись таким спортом, она утратила бы способность исследовать предметные области и существовать благодаря этой способности. Мышление же «выносятся» за границы предметности – туда, где ничего нельзя доказать, а можно только показать «сокрытость» неявленного [Хайдеггер, 1991]. Д.Э. Гаспарян, следуя формуле Хайдеггера, пишет: «ключевые философские вопросы зачастую берутся из этой

способности к проникающему за пределы сущего взгляду» [Гаспарян, 2018, с. 150]. За эти пределы наука не заглядывает. Не ее дело – ставить «мир-бытие» под вопрос. Это судьба и бремя философии.

Сам Хайдеггер признавал, что утверждение «наука не мыслит» несовместимо с обычными представлениями о науке и мышлении и даже, замечал он, может выглядеть «неприлично». Не станем спорить с классиком. Но попытаемся все же обойтись без *salto mortale* через пропасть между обычными представлениями и философским вопрошанием о науке. Для этого надо признать, что пропасть образуется при «анатомировании» того и другого, т. е. тогда, когда между научным исследованием предметного мира и мышлением, ставящим вопрос о бытии как таковом, разорвана живая органическая связь.

В свое время, будучи студентом философского факультета МГУ, я запомнил грустный афоризм лектора, выдающегося психолога П.Я. Гальперина: «В прозекторской вы не найдете душу покойника!». Можно перефразировать: средствами одних только специальных науковедческих дисциплин не установить смысл и назначение науки – если она предстает в них как *тело без сознания*, или, если угодно, *без души*.

Метафилософия науки по отношению к философии науки играет роль, аналогичную той, какую последняя играет по отношению к науке. В ней реализуется способность философии науки к саморефлексии, актуализируются «трансцендентные» вопросы о смысле того, что происходит в «зоне обмена» идеями между учеными, специалистами-науковедами и философами. Можно сказать, что метафилософия науки, в конечном счете, является самосознанием философии науки.

Подчеркнем, что метафилософия науки – не область догматических, претендующих на универсальность суждений о философии науки. То, что Н. Решер называет «нормативной метафилософией» (применительно к философии науки), является набором конвенций, наличие которых устанавливается уже после того, как эти конвенции приняты, стали «нормами». Но сам процесс их выработки и принятия – это и есть самая важная тема метафилософии науки, именно то, для чего она вообще нужна философам и ученым.

В совместной с И.Т. Касавиным статье [Касавин, Порус, 2016] мы показали, что философия науки – это результат сочетания философской рефлексии над наукой и научной рефлексии над философией, причем обе рефлексии еще и отражаются одна в другой. Здесь добавлю, что само это сочетание также нуждается в философской интерпретации, а весь процесс происходит в «зоне обмена» смыслами между науковедческими дисциплинами и философией науки. Описание и осмысление этого процесса – комплекс задач, которые можно назвать метафилософскими.

Так, упомянутый афоризм И. Лакатоса «История науки без философии науки слепа, философия науки без истории науки пуста» мог бы иметь дополнение: «Философия науки, взятая вне своей собственной истории, безжизненна». Но то же самое можно сказать и о других аспектах философии науки: методологическом, институциональном, культурологическом.

Эмпирическая история науки издавна является инструментом философии науки. В этом отношении примечательно творчество М.А. Розова, который к разработке своей концепции «социальных эстафет» как средства философско-научного анализа шел от *case studies*, почерпнутых из истории науки [Розов, 2008]. По-видимому, эмпирическая история самой философии науки, особенно, если это история соответствующих институтов, может стать – здесь аналогия вполне уместна – инструментом метафилософии науки.

Науковедческие аспекты метафилософии науки составляют «жизненный контекст», в котором ее суждения наполняются философским смыслом.

* * *

Представление о метафилософии науки как о непосредственном фигуранте процесса, происходящего в «зонах обмена», в смысле Галисона, или на встречах ученых и философов науки на «мосту интерпретаций», по-видимому, прерывает бессмысленное нагромождение «метауровней» философского рассуждения о науке. Метафилософия науки – тот участник процесса, который необходим, чтобы происходящий в нем обмен идеями был осознан как *conditio sine qua non* взаимодействия науки и философии. И, что еще важнее – чтобы это взаимодействие было понято как «живая жизнь», создающая себя и потому способная к целеполагаемому изменению.

Список литературы

Ваттимо, 2002 – *Ваттимо, Дж.* Прозрачное общество. Пер. с англ. Д. Новикова. М.: Логос, 2002. 128 с.

Визгин, 2007 – *Визгин, В.П.* Эйнштейн: между физикой и философией / Грани познания. Наука, философия, культура в XXI веке / Под ред. Н.К. Удумян. В 2-х кн. Кн. 2. М.: Наука, 2007. С. 114–130.

Галисон, 2004 – *Галисон, П.* Зона обмена: координация убеждений и действий. Пер. с англ. В.А. Геровича // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.

Гаспарян 2018 – *Гаспарян, Д.Э.* О всегда уже выраженном невыразимом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 4. С. 144–156.

Грин, 2007 – Грин, Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории / Пер. с англ. под ред. В.О. Мальшенко. Изд. 3-е. М., Едиториал УРСС, 2007. 288 с.

Дорожкин, 2018 – Дорожкин, А.М. Особенности построения негумбольдтовских зон обмена // Вест. Вятского гос. Ун-та. 2018. № 4. С. 7–13.

Касавин, 2017 – Касавин, И.Т. «Зоны обмена» как предмет социальной философии науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.

Касавин, Порус, 2016 – Касавин, И.Т., Порус, В.Н. Философия науки в России: от интеллектуальной истории к современной институционализации // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2016. Т. XLVIII. № 2. С. 6–17.

Касавин, Пружинин, 2001 – Касавин, И.Т., Пружинин, Б.И. Философия науки / Новая философская энциклопедия. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 218–220.

Лакатос, 1978 – Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции / Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. Сб. пер. / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.

Лакатос, 2008 – Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический Проект, Трикста, 2008. 475 с.

Мамчур, 1975 – Мамчур, Е.А. Проблема выбора теории: К анализу переходных ситуаций в развитии физического знания. М.: Наука, 1975. 231 с.

Ойзерман, 2014 – Ойзерман, Т.И. Метафилософия (теория историко-философского процесса) // Избранные труды. Т. 5. М.: Наука, 2014. 767 с.

Поппер, 2004 – Поппер, К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2004. 638 с.

Порус, 2012 – Порус, В.Н. Выбор интерпретаций как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 18–35.

Порус, 1997 – Порус, В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки теории научной рациональности). М.: УРАО. 1999. 132 с.

Ридингс, 2010 – Ридингс, Б. Университет в руинах / Пер. А. Корбута. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.

Розов, 2008 – Розов, М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.

Капра, 1994 – Капра, Ф. Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока. СПб.: ОРИС, 1994. 304 с.

Тагарт, 2014 – Тагарт, П. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке // Логос. 2014. Т. 97. № 1. С. 36–60.

Флек, 1999 – Флек, Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Сост., предисл., пер. с англ., нем., польск., общ. ред. Поруса В.Н. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.

Хайдеггер, 1991 – Хайдеггер, М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избр. статьи позднего периода творчества / Пер. с нем. под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высшая школа, 1991. С. 134–138.

Bohm, 2005 – Bohm, D. Wholeness and the Implicate Order. L., N.Y.: Taylor & Francis e-Library, 2005. xix+284 p.

Chew, 1968 – Chew, G.F. “Bootstrap”: A Scientific Idea? // Science. 1968. Vol. 161. №. 3843. P. 762–763.

- Collins, Evans, 2010 – *Collins, H., Evans, R. Interactional Expertise And The Imitation Game // Trading Zones And Interactional Expertise. Creating New Kinds Of Collaboration / Ed. by M.E. Gorman. Cambridge: MIT Press, 2010. 312 p.*
- Galison, 1997 – *Galison, P. Image and Logic: A Material Culture of Micro-physics. 1997 Chicago: Univ. of Chicago Press, 1997. 955 pp.*
- Kampis, 1991 – *Kampis, G. Self-Modifying Systems in Biology and Cognitive Science. A New Framework for Dynamics, Information and Complexity. Oxford: Pergamon Press, 1991. 565 pp.*
- Kuhn, 2004 – *Kuhn, S.T. Reflections on Ethics and Game Theory // Synthese. 2004. Vol. 141. № 1. P. 1–44.*
- Lakatos, Musgrave, 1970 – *Criticism and the Growth of Knowledge: Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science, London, 1965 / Ed. by Lakatos, I., Musgrave, A. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. viii+282 pp.*
- Lazerowitz, 1970 – *Lazerowitz, M. A Note on «Metaphilosophy» // Metaphilosophy. 1970. Vol. 1. № 1. P. 91.*
- Norrie, 2018 – *Norrie, St. What Is Philosophy? Prolegomena to a Sociological Metaphilosophy // Metaphilosophy. 2018. Vol. 49. № 5. P. 646–673.*
- Rescher, 2014 – *Rescher, N. Metaphilosophy. Philosophy in Philosophical Perspectives. Lanham, MD: Lexington Books, 2014. 240 pp.*
- Rescher, 2006 – *Rescher, N. Philosophical Dialectics: An Essay on Metaphilosophy. N.Y.: State Univ. of New York Press, 2006. 120 pp.*
- Suppe, 1974 – *The Structure of Scientific Theories / Ed. by Suppe, F. Urbana: University of Illinois Press, 1974. xiv+682 pp.*
- Thagard, 1998 – *Thagard, P. Computation and the Philosophy of Science // The Digital Phoenix: How Computers are Changing Philosophy / Ed. by W. Bynum, J.C. Moor. Oxford: Blackwell, 1998. P. 48–61.*
- Verbeek, 2002 – *Verbeek, B. Instrumental Rationality and Moral Philosophy: An Essay On The Virtues Of Cooperation. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 2002. xii+286 pp.*

References

- Bohm, D. *Wholeness and the Implicate Order*. London, New York: Taylor and Francis e-Library, 2005. xix+284 pp.
- Chew, G.F. “‘Bootstrap’: A Scientific Idea?”, *Science*, 1968, vol. 161, no. 3843, pp. 762–763.
- Collins, H., Evans, R. “Interactional Expertise And The Imitation Game”, in: Gorman, M.E. (ed.). *Trading Zones And Interactional Expertise. Creating New Kinds Of Collaboration*. Cambridge: MIT Press, 2010. 312 pp.
- Dorozhkin, A.M. “Osobennosti postroeniya negumboldtovskix zon obmena” [Features Of Creation Of Non-Gumboldtians Trading Zones], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vятka State University*, 2018, no. 4, pp. 7–13. (in Russian)
- Fleck, L.; Porus, V.N. (transl., ed.). *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta. Vvedenie v teoriyu stilya my`shleniya i my`slitel`nogo kollektiva* [The Genesis and Development of a Scientific Fact. Introduction into the theory of Thought style and Thought Collective]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual`noj knigi, 1999, 220 pp. (In Russian)

Galison, P. “Zona obmena: koordinatsiya ubezhdeniy i deystviy” [Trading Zone: Coordination Of Beliefs And Actions], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki – Problems Of History Of Natural Sciences And Technology*, 2004, no. 1, pp. 64–91. (In Russian)

Galison, P. *Image and Logic: A Material Culture of Microphysics*. 1997 Chicago, University of Chicago Press, 1997, 955 pp.

Gasparyan, D.E. “O vseгда uzhe vyrazhennom nevyrazimom” [On The Inexpressible, Which Is Always Expressed], *Filosofiya – Philosophy*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 144–156. (In Russian)

Grin, B. *Elegantnaya Vseleennaya. Superstruny, skrytye razmernosti i poiski okonchatelnoy teorii* [Elegant Universe. Superstrings, Hidden Dimensions And Search Of The Final Theory], 3rd ed. Moscow: Editorial URSS, 2007, 288 pp. (In Russian)

Heidegger, M. “Chto znachit myslit?” [What Means To Think?], in: Heidegger, M.; Dobrokhotoy, A.L. (trans., ed.). *Razgovor na proselochnoy doroge. Izbrannye statyi pozdnego perioda tvorchestva* [A Conversation On The Country Road. Selected Articles Of The Late Period Of Creativity]. Moscow: Vysshaya shkola, 1991, pp. 134–138. (In Russian)

Kampis, G. *Self-Modifying Systems in Biology and Cognitive Science. A New Framework for Dynamics, Information and Complexity*. Oxford, Pergamon Press, 1991, 565 pp.

Kapra, F. *Dao fiziki. Issledovanie paralelej mezhdou sovremennoj fizikoy i mistitsizmom Vostoka* [The Tao of Physics: An Exploration of the Parallels Between Modern Physics and Eastern Mysticism]. Saint Petersburg: ORIS, 1994, 304 pp. (In Russian)

Kasavin, I.T. “«Zony obmena» kak predmet sotsialnoi filosofii nauki” [“Trading Zones” As Subject-Matter Of Social Philosophy Of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 8–17. (In Russian)

Kasavin, I.T., Porus, V.N. “Filosofiya nauki v Rossii: ot intellektualnoy istorii k sovremennoy institutsionalizatsii” [Philosophy Of Science In Russia: From Intellectual History To Institutional Update], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. XLVIII, no. 2, pp. 6–17. (In Russian)

Kasavin, I.T., Pruzhinin, B.I. “Filosofiya nauki” [Philosophy of science], in: *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy], vol. 4. Moscow: Mysl, 2001, pp. 218–220. (In Russian)

Kuhn, S.T. “Reflections on Ethics and Game Theory”, *Synthese*, 2004, vol. 141, no. 1, pp. 1–44.

Lakatos, I. “Istoriya nauki i ee ratsionalnye rekonstruktsii” [History Of Science And Its Rational Reconstructions], in: Gryaznov, B.S., Sadovskiy, V.N. (eds.). *Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskih issledovaniy po filosofii nauki* [Boston Studies In The Philosophy Of Science. Selected Works]. Moscow: Progress, 1978, pp. 203–269. (In Russian)

Lakatos, I. *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected Works On Philosophy And Methodology Of Science]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksa, 2008. 475 pp. (In Russian)

Lakatos, I., Musgrave, A. (eds). *Criticism and the Growth of Knowledge: Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science, London, 1965*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. viii+282 pp.

Lazerowitz, M. "A Note on 'Metaphilosophy'", *Metaphilosophy*, 1970, vol. 1, no. 1, p. 91.

Mamchur, E. A. *Problema vybora teorii: K analizu perexodnykh situatsiy v razvitiy fizicheskogo znaniya* [Problem Of The Choice Of The Theory: To The Analysis Of Transitional Situations In Development Of Physical Knowledge]. Moscow: Nauka, 1975, 231 pp. (In Russian)

Norrie, St. "What Is Philosophy? Prolegomena to a Sociological Metaphilosophy", *Metaphilosophy*, 2018, vol. 49, no. 5, pp. 646–673.

Oizerman, T.I. "Metafilosofiya (teoriya istoriko-filosofskogo processa) [Metaphilosophy (Theory Of Historico-Philosophical Process)]", *Izbrannye trudy [Selected works]*, Vol. 5. Moscow: Nauka, 2014, 767 pp. (In Russian)

Popper, K. *Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya* [Conjectures And Refutations. The Growth Of Scientific Knowledge]. Moscow: AST, 2004, 638 pp. (In Russian)

Porus, V. N. "Vybor interpretatsiy kak problema sotsialnoy epistemologii" [Choice Of Interpretations As Problem Of A Social Epistemology], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2012, vol. XXXI, no. 1, pp. 18–35. (In Russian)

Porus, V. N. *Paradoksalnaya ratsionalnost (ocherki teorii nauchnoy ratsionalnosti)* [Paradoxical Rationality (Sketches Of The Theory Of Scientific Rationality)]. Moscow: URAO, 1999, 132 pp. (In Russian)

Rescher, N. *Metaphilosophy. Philosophical Perspectives*. Lanham, MD: Lexington Books, 2014, 240 pp.

Rescher, N. *Philosophical Dialectics: An Essay on Metaphilosophy*. New York: State University of New York Press, 2006, 120 pp.

Ridings, B. *Universitet v ruinakh* [University In Ruins]. Moscow: GU VShE, 2010, 304 pp. (In Russian)

Rozov, M. A. *Teoriya sotsialnykh estafet i problemy epistemologii* [Theory Of Social Relays And Problems Of Epistemology]. Moscow: Novyi khronograf, 2008, 352 pp. (In Russian)

Suppe, F. (ed.). *The Structure of Scientific Theories*. Urbana: University of Illinois Press, 1974, xiv+682 pp.

Thagard, P. "Computation and the Philosophy of Science", in: W. Bynum & J.C. Moor (eds.). *The Digital Phoenix: How Computers are Changing Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1998, pp. 48–61.

Thagard, P. "Mezhdisciplinarnost: torgovye zony v kognitivnoy nauke" [Being Interdisciplinary: Trading Zones In Cognitive Science], *Logos*, 2014, vol. 97, no. 1, pp. 36–60. (In Russian)

Vattimo, G. *Prozrachnoe obshchestvo* [Transparent Society]. Moscow: Logos, 2002, 128 pp. (In Russian)

Verbeek, B. 2002. *Instrumental Rationality And Moral Philosophy: An Essay On The Virtues Of Cooperation*. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, xii+286 pp.

Vizgin, V.P. "Einshtein: mezhdru fizikoy i filosofiy" [Einstein: Between Physics And Philosophy], in: Udumyan, N.K. (ed.). *Grani poznaniya. Nauka, filosofiya, kul'tura v XXI veke. V 2-kh knigah. Kn. 2.* [Facet Knowledge. Science, philosophy, culture in the 21st century. In 2 books. Book 2]. Moscow: Nauka, 2007, pp. 114–130. (In Russian)